

Джордж Сильвестр
Вирек

George Sylvester Viereck

Пленники утопии

Джордж Сильвестр Вирек Пленники утопии. Советская Россия глазами американца

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64817982

*Вирек Дж. С. Пленники утопии. Советская Россия глазами
американца: Нестор-История; Санкт-Петербург; 2020*

ISBN 978-5-9071-1622-1

Аннотация

В сборник включены впервые публикуемые на русском языке тексты американского писателя и публициста Джорджа Сильвестра Вирека (1884–1962) о Советском Союзе, который он посетил в июле 1929 г., желая собственными глазами увидеть «новый мир». Материалы из российских архивов и редких иностранных изданий раскрывают эволюцию представлений автора о России и СССР – от антиантантовской пропаганды в годы Первой мировой войны до внимания к «великому эксперименту» в 1920-е годы, а затем к отрицанию тоталитаризма, в том числе в советской форме. Критикуя идеологию и политику советской власти, Вирек с сочувствием писал о русском народе, оказавшемся «пленником утопии».

Издание снабжено аннотированным указателем имен и адресовано широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей XX века.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Приключения мистера Вирека в стране большевиков	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джордж Сильвестр Вирек

Пленники утопии

Советская Россия

глазами американца

© Ковалев М. А., перевод, 2020

© Молодяков В. Э., перевод, составление, статьи 2020

© Молодяков В. Э., собрание материалов, 2020

© Издательство «Нестор-История», 2020

* * *

Приключения мистера Вирека в стране большевиков *В. Э. Молодяков*

1.

Соединенные Штаты Америки не признавали большевистский режим и Советский Союз до 1933 г., пока президентом не был избран Франклин Рузвельт. Однако советско-американские отношения в предшествующие годы не только существовали, но и успешно развивались во многих сферах, от внешней торговли до культурных обменов. Их полную, обобщающую историю еще предстоит написать, оставив в стороне избитые конспирологические сюжеты «Уолл-стрит и большевистская революция» и «Троцкий – американский шпион».

Отсутствие дипломатической рутины как будто облегчало отношения, хотя с советской стороны контроль государства над ними трансформировался из плотного в тотальный. Именно под этим контролем американские банкиры, бизнесмены, инженеры и рабочие принимали участие в таких проектах союзного значения, как строительство Днепрог-

эса, Сталинградского и Харьковского тракторных заводов. Колхозные поля пахали тракторы «Фордзон-Путиловец». Американские концессионеры оживляли советскую экономику, не забывая о своих выгодах¹. Программный сборник Литературного центра конструктивистов назывался «Бизнес» (1929), а предшествовавший ему – «Госплан литературы».

Ничего удивительного, поскольку уже весной 1924 г. Сталин в лекциях «Об основах ленинизма» провозгласил, что «суть ленинизма в партийной и государственной работе» – это «соединение русского революционного размаха с американской деловитостью». И пояснил: «Только такое соединение дает нам законченный тип работника-ленинца. <...> Американская деловитость является противоядием против "революционной" маниловщины и фантастического сочинительства. Американская деловитость – это та неукротимая сила, которая не знает преград, которая размывает своей деловитой настойчивостью все и всякие препятствия, которая не может не довести до конца раз начатое дело, если даже это небольшое дело, и без которой немыслима серьезная строительная работа»². Эти слова перепечатывались во всех изданиях «Вопросов ленинизма» – книги, претендовавшей на статус если не Священного Писания, то катехизиса нового

---

¹ 1 Подробнее: Россия и США: экономические отношения, 1917–1933. М., 1997.

² Сталин И. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 187–188.

мира.

Географически по-прежнему далекая, Америка в двадцатые годы стала восприниматься в СССР не как полусказочный мир, куда дореволюционные подростки убегали к «индейцам», но как вполне досягаемая – хотя бы по работе – страна. В стихотворной повести Сергея Спасского «Неудачники», написанной в 1926–1927 гг., есть такая сцена, проходная, даже рутинная:

Гул поздравлений. Очень ловко
Муж получил командировку
В Америку. Как фейерверк
Его искристая карьера.
С ним рядом всякий нынче мерк.
Вокруг витала атмосфера
Удачи, благи, щедрот,
Улыбок. Сам он, как невеста,
Был мил. Ему смотрели в рот
И с чувством уступали место...
...Вино журчит струей беспечной.
– Так за отъезд, за добрый путь,
Вернуться и не утонуть.
Споткнувшись на последнем тосте,
Любезные прощались гости.

Что значит «вернуться и не утонуть»? Тогдашний читатель понимал это сразу, сегодняшнему нужны пояснения. Речь идет о гибели двух важнейших на тот момент совет-

ских представителей в Америке – первого директора торговой компании «Амторг» (сокращение по моде времени) Исаа Хургина и прибывшего ему на смену Эфраима Склянского, бывшего заместителя Льва Троцкого на посту председателя Реввоенсовета. 27 августа 1925 г. они утонули, катаясь на моторной лодке по озеру Лонглейк в штате Нью-Йорк. «Переплыв океан, он утонул в озере. Выйдя невредимым из Октябрьской революции, он погиб на мирной прогулке. Такова предательская игра судьбы», – пафосно заявил Троцкий в речи памяти соратника³.

О большевистской революции американцы узнали из первых рук – из переведенных и изданных в 1918 г. брошюр Ленина и Троцкого⁴. Книга «Десять дней, которые потрясли мир» (1919) сделала Джона Рида – богемного литератора и предприимчивого репортера, затем социалиста и военного корреспондента в Восточной Европе – звездой мирового масштаба и героем советской пропаганды, удостоенным погребения в Кремлевской стене. Несмотря на охоту на «красных» в последние годы администрации президента Вудро Вильсона, симпатии «активной фракции» американского общества – тех, кто интересовался политикой, обсуждал ее и

---

³ [Электронный ресурс]. Троцкий Л. Д. Перед историческим рубежом. Политические силуэты. – Режим доступа: <https://public.wikireading.ru/111255> – Дата обращения: 14 февраля 2019 г.

⁴ Lenin N. The Soviets at Work. N. Y., 1918; Trotsky L. Our Revolution. On Working Class and International Revolution. N. Y., 1918; Trotzky L. The Bolsheviks and World Peace. N. Y., 1918.

пытался влиять на нее, – по большей части были на стороне «Новой России», как ее часто называли. Напротив, антибольшевистские книги эмигрантов, например «Социализм против цивилизации» (1920) и «Баланс советизма» (1922) Бориса Бразоля, особой популярностью и доверием не пользовались.

С началом НЭПа и активизацией контактов Советской России со странами Европы интерес американцев к «первому в мире государству рабочих и крестьян» еще более возрос. В конце декабря 1919 г. правительство выслало из США в «красную Россию» две с половиной сотни анархистов и социалистов на пароходе «Буфорд», прозванном «советским ковчегом». В 1923 г. в Москву отправились уже представители Капитолия – сенаторы Роберт Лафоллетт и Уильям Кинг, конгрессмен Гамильтон Фиш. На Красной площади Фиш возложил цветы к могиле Джона Рида – не разделяя его убеждений, он почтил память друга, с которым некогда играл в Гарварде в футбол. В том же 1923 г. Америку посетил Сергей Есенин, два года спустя – Владимир Маяковский. Их мнение значило для советских читателей даже больше, чем мнение популярного Лафоллетта – для американских.

В 1922 г. в Москве обосновался корреспондент газеты «Christian Science Monitor» Уильям Генри Чемберлен, за 12 лет работы в СССР проделавший эволюцию от «розового» марксиста до яркого антикоммуниста. Аналогичный путь в те же самые годы прошел Луис Фишер, освещавший события

в СССР для леволиберального еженедельника «Nation». Зато руководивший опять-таки в те же годы московским бюро «New York Times» англичанин Уолтер Дюранти писал о советских реалиях с неизменным восторгом. Его очерки, удостоенные в 1932 г. Пулитцеровской премии, возможно, повлияли на решение Франклина Рузвельта официально признать СССР.

За журналистами в Москву потянулись писатели, прежде всего левые. Американским «королем» советского книжного рынка двадцатых и начала тридцатых годов из здравствующих литераторов был Эптон Синклер, активно переписывавшийся с издательствами, писателями и критиками, но так и не приехавший посмотреть собственными глазами на «рождение нового мира» – в отличие от своего героя Ланни Бэда. В 1927 г. Советский Союз в качестве почетного гостя посетил Теодор Драйзер, соперничавший с Синклером в популярности у советских издателей, а затем затмивший его. Пышный прием и большое путешествие по стране (всего 77 дней) за счет принимающей стороны понравились гостю, который, однако, не счел нужным скрывать негативные стороны увиденного: бюрократическую неразбериху, лень, хамство, бытовые неурядицы и отсутствие гигиены, что особенно травмировало избалованного комфортом визитера. Советская пропаганда могла стерпеть идейные разногласия и даже критику – представитель «старого мира» «заблуждался», «не разобрался», «не понял», – но не изоб-

ражение культурной и бытовой отсталости «условий человеческого существования». Поэтому книга «Драйзер смотрит на Россию» (1928) на русском языке впервые появилась только через шестьдесят лет.

В том же 1928 г. в Советский Союз приехал Джон Дос Пассос, романами которого «Манхэттен», «1919» и «42-я параллель» в переводах Валентина Стенича зачитывались в тридцатые годы, пока они не попали под запрет из-за «неправильной» позиции автора. Во время гражданской войны в Испании Дос Пассос выступил против «методов ГПУ, применяемых коммунистами», и участвовал в «Комиссии по расследованию обвинений, предъявленных Льву Троцкому на московских процессах», более известной как «Комиссия Дьюи», по фамилии председателя – знаменитого философа и педагога Джона Дьюи. Такое не прощалось.

Это вступление необходимо для понимания контекста, в который предстоит поместить «советский опыт» американского писателя и журналиста Джорджа Сильвестра Вирека (1884-1962), «приключения мистера Вирека в стране большевиков», если перефразировать название знаменитой эксцентрической комедии Льва Кулешова «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924). «Приключения» Вирека были как раз вполне обычными. Но кто вы, мистер Вирек?

2.

Джордж Сильвестр Вирек родился 31 декабря 1884 г. в Мюнхене и звался Георг Сильвестр Фирек: будущий американский писатель был этническим немцем. Глядя из дня сегодняшнего, кажется, что в самых обстоятельствах его рождения заложена будущая связь с Советской Россией и с революцией. Его отец Луи Фирек⁵ был депутатом Рейхстага от Социал-демократической партии. С конца 1870-х гг. эта фамилия мелькает в переписке Маркса и Энгельса с соратниками, причем по конспиративным соображениям ее порой заменяет нарисованный четырехугольник (значение немецкого слова «Viereck»). Энгельс был шафером на свадьбе Луи Фирека и его двоюродной сестры Лауры Фирек в 1881 г. в Лондоне. Лаура родилась в США, куда ее отец Вильгельм Фирек – старший брат актрисы Эдвины Фирек, матери Луи, – эмигрировал в 1849 г. после поражения германской революции, в которой активно участвовал.

Среди социал-демократов Луи Фирек считался «умеренным», что позже привело к исключению из партии. Критикуя его политическую линию, Энгельс не раз отпускал в адрес Фирека ехидные замечания. «Этот человек хочет быть пай-

---

⁵ Членов семьи, идентифицировавших себя с Германией и германской культурой, будем именовать Фиреками в соответствии с немецким произношением фамилии.

мальчиком в глазах своего папаши. Но у папаши есть дела поважнее», – писал он Карлу Каутскому 6 сентября 1885 г. по поводу заявления Фирека, что император сделал бы для рабочих гораздо больше, если бы знал, как плохо они живут. «Фирек (в оригинале нарисован квадрат. – В. М.) неисправим, обращение его к папаше умилительно. Старик задаст ему трепку», – иронизировал Энгельс в письме к Герману Шлютеру две недели спустя⁶. Почему император Вильгельм I назван «папашей» депутата-социалиста? Потому что Луи Фирек, сын примадонны берлинской королевской сцены Эдвины Фирек, был внебрачным сыном будущего прусского короля (на момент его рождения – кронпринца) и первого кайзера Германской империи. Маркс 19 сентября 1879 г. в письме к Фридриху Зорге назвал его «внебрачным сыном германского императора»⁷, как будто речь шла о чем-то обыденном. Говорить об этом открыто в Германии было невозможно, но иностранные журналисты отмечали у Луи «внешность Гогенцоллерна» и многозначительно писали, что «его происхождение окутано некоей тайной»⁸.

Вот с такой причудливой наследственностью: с одной стороны, кайзер, с другой, Маркс и Энгельс, – Георг Сильвестр Фирек появился на свет. Собираясь в Москву 44 года спу-

---

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 36. М., 1964. С. 304, 308.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 34. М., 1964. С. 326.

⁸ Social Democrats in the Reichstag // Harper's New Monthly Magazine. Vol. LXXI, № CCCCXXIII (August 1885). P. 349.

стя, он упомянул только вторую часть. Зато подружившийся с ним в начале двадцатых годов экс-император Вильгельм II называл его «мой кузен», а в 1956 г. принц Луи Фердинанд Прусский, тогдашний глава дома Гогенцоллернов, поднял в его честь тост «за наших предков»⁹.

Годы младенчества будущего писателя совпали с недолгой карьерой его отца в Рейхстаге, которая завершилась арестом за участие в нелегальном собрании. Исключительный закон против социалистов («Закон против вредных и опасных стремлений социал-демократии») 1878 г. допускал представительство партии в Рейхстаге, но жестко ограничивал ее деятельность за его стенами. 4 августа 1886 г. Саксонский земельный суд во Фрейбурге приговорил группу социалистов, включая Фирека и Августа Бебеля, к девяти месяцам тюремного заключения. Депутатской неприкосновенности в тогдашней Германии не существовало, и Луи отправился в «Цвиккауское богоугодное заведение», как его иронически называл Энгельс. «Помню, как в детстве я часто лепетал, когда кто-то спрашивал об отце: "Папа, Цвиккау, далеко", – вспоминал Вирек. – В Цвиккау он в течение года сидел в одной тюрьме с Бебелем. Утомительные споры с ним в темной камере уничтожили веру отца в социализм. Он придерживался того, что сейчас называют "государственным социа-

---

⁹ Свидетельство очевидца Питера Вирека, сына Джорджа Сильвестра: Reiss T. Orientalist: Solving the Mystery of a Strange and Dangerous Life. Westminster, 2006. P. 289; Gertz E. The Odyssey of a Barbarian: The Biography of George Sylvester Viereck. Amherst, 1978. P. 301.

лизмом", но не мог переварить диктатуру пролетариата. Разногласия с Бебелем привели к его исключению из социалистической партии на съезде в Санкт-Галлене (в 1887 г. – *В. М.*). Разочаровавшись в общественной деятельности, он отказался от кресла в парламенте, предложенного ему группой либералов, и попытался найти себе место в сферах, далеких от политики»¹⁰.

Луи Фирек занялся журналистикой, однако к сорока пяти годам решил, что на родине достойного применения своим силам и способностям ему не найти, и в 1896 г. отправился искать счастье в Новом Свете. Годом позже за ним последовали жена и сын. Георг Сильвестр Фирек стал Джорджем Сильвестром Виреком. Его причудливая и богатая приключениями история подробно описана в моей книге «Джордж Сильвестр Вирек: больше чем одна жизнь» (М., 2015). Сейчас нас интересуют только ее русские, точнее советские, сюжеты.

Вирек впервые столкнулся с Россией в начале Первой мировой войны. Получивший славу первого американского декадента с выходом в 1907 г. книги стихов «Ниневия» и романа «Дом вампира», Джордж Сильвестр стал заметной фигурой социальной и культурной жизни германо-американцев, в частности боролся против «сухого закона». В 1912 г. он участвовал в избирательной кампании Теодора Рузвельта как кандидата в президенты от Прогрессивной партии

---

¹⁰ Viereck G. S. *My Flesh and Blood*. N. Y., 1931. P. 240–241.

и, видимо, тогда познакомился с сенатором Робертом Лафоллеттом; в той же кампании дебютировал в политике будущий конгрессмен Гамильтон Фиш. К 1914 г. Вирек, редактировавший популярный журнал «International», считался фигурой национального масштаба если не в политике, то в литературе и журналистике. Неудивительно, что с началом войны именно он возглавил издание еженедельника «Fatherland», противостоявшего проантантовскому большинству американской прессы под лозунгом «Честная игра для Германии и Австро-Венгрии». Российская империя как одна из ключевых держав Антанты сразу оказалась объектом пропагандистских атак «Fatherland» (в настоящем издании этому посвящена отдельная статья), однако вскоре направлением главного удара стала Великобритания и ее пропаганда.

3.

Февральская революция в России была встречена в Америке восторженно, особенно сторонниками вступления в войну на стороне «демократий» против Германии. Пропганда представляла ее как триумф проантантовских сил против попыток сепаратного мира. Вирек интерпретировал события по-иному, с оттенком провокационности: «Карточный домик "союзников" рушится. Каковы бы ни были мотивы русских революционеров, они отправили паровой ка-

ток¹¹ на металлолом. Расколота изнутри страна не может успешно вести войну. <...> Русская революция означает для "союзников" начало конца. <...> Германия должна приветствовать революцию, если та освободит Россию. Сотрудничество с русским самодержавием отвратительно большинству немцев. <...> Союз с просвещенной Россией уже не кажется немыслимым»¹².

Большевистский переворот вызвал у Вирека совершенно иные эмоции, особенно после выхода Советской России из войны, к тому же на выгодных для Германии условиях Брестского мира. Разрозненные высказывания о новой власти показывают, что отношение Джорджа Сильвестра к ней не было негативным. Когда его журнал «Viereck's. American Monthly» поместил переписку непризнанных «полосов» в США – большевика Людвиг Мартенса и ирландского шинн-фейнера Патрика Мак-Картана, «New York Times» обвинила его в «симпатиях к режиму Троцкого-Ленина»¹³. «Вы хотите устроить большевизм в Америке, чтобы облегчить бремя Германии?» – вопрошал его Эптон Синклер. «Я не большевик, – ответил Вирек. – Если русский народ желает большевизма, пусть сам выбирает себе правительство. Оно не может быть хуже того, к чему Россия привыкла. Боль-

---

¹¹ Расхожий образ русской армии в «союзной» пропаганде.

¹² 10 Viereck's. An American Weekly. Vol. VI. № 8. P. 123.

¹³ Viereck's. An American Monthly. Vol. X. № 4. P. 111; New York Times. 1919, 02.06.

шевизм – самый интересный эксперимент в истории, но мы слишком мало знаем, чтобы делать окончательные выводы о его будущем»¹⁴.

Во время президентской кампании 1920 г. Вирек поддерживал кандидата республиканцев сенатора Уоррена Гардинга против демократов-«вильсонистов», но сам отдал сердце и голос 65-летнему социалисту Юджину Дебсу. Одни считали его идеалистом и борцом за народные права, другие смутьяном и демагогом, третьи изменником родины, но «никто, даже враг, не мог усомниться в его искренности»¹⁵ или обвинить в корыстолюбии. Дебс участвовал в президентских выборах, отбывая в тюрьме Атланты десятилетний срок за нарушение закона о шпионаже, точнее, за выступления против участия в «войне плутократов». Его участие вызвало у Вирека прилив энтузиазма, несмотря на политическую бесперспективность: «Если сомневаемся – проголосуем за социалиста. Небольшая доза здорового радикализма станет противоядием шовинизму». «Лучше проголосовать за этого человека в тюрьме, чем за людей, отправивших его в тюрьму», – заключил он, целя в Вильсона, который заявил, что лидер социалистов – предатель и не выйдет на свободу до окончания срока¹⁶. Вирек призвал Гардинга в случае победы на вы-

---

¹⁴ Viereck's. An American Monthly. Vol. X. № 5. P. 149.

¹⁵ Эдвин Маркэм (поэт и друг Вирека) в кн.: Ruth Le Prade (ed.). Debs and the Poets. Pasadena, 1920. P. 43.

¹⁶ Обе цитаты Вирека: Johnson N. M. George Sylvester Viereck: German-

борах освободить Дебса, прямо указав на возможный положительный отклик Советской России, «с которой мы должны поскорее возобновить торговлю»¹⁷.

«Я не исповедую социалистическую веру, – пояснил Вирек в одном из первых писем Дебсу, – но отношусь к Вам как к великой личности и вождю людей, возможно, как мусульмане относятся к Христу, считая его пророком, но не будучи его адептами»¹⁸. «Вы должны быть социалистом, – ответил Дебс. – У Вас есть смелость отстаивать свои убеждения, Вы верны идеалам. Я восхищаюсь Вами, уважаю и люблю Вас». «Боюсь, мое общественное сознание недостаточно развито, – парировал адресат. – Меня больше беспокоит личная несправедливость, чем классовая. Я считаю человека символом чего-то более великого, чем он сам. Как Юджин Дебс Вы великий человек, но Вы еще более велики как символ того непобедимого, что есть в человеческой душе. Боюсь, я никогда не стану социалистом. <...> Я не приму никакой веру, экономическую или религиозную, без оговорок». Ограниченный тюремными правилами (одно письмо в неделю при условии не касаться политики), Дебс сообщил брату для передачи Джорджу Сильвестру: «Не могу разделить его взгляды на жизнь и человеческие отношения, но могу оце-

---

American Propagandist. Urbana, 1972. P. 85–86.

¹⁷ Цит. по: Gertz E. The Odyssey of a Barbarian. P. 173.

¹⁸ Два письма Вирека и одно письмо Дебса: Letters of Eugene V. Debs. Vol. III. 1919–1926. Urbana-Chicago, 1990. P. 30–31, 145–147, 295; письма и материалы из примечаний к ним цит. без сносок.

нить и очень ценю его благородный дух, тонкую чувствительность и глубокое чувство справедливости». Он также послал ему свою фотографию с надписью «поэту, идеалисту, гуманисту». Только узкопартийные соображения помешали присутствию Вирека в антологии «Дебс и поэты» (1920), которую издал его идейный противник Синклер, однако он получил один из 500 экземпляров, которые герой книги, с разрешения тюремного начальства, подписал и отправил друзьям. Экземпляр книги был и в личной библиотеке Ленина: Синклер послал его Крупской¹⁹.

«Отношение Вирека к большевистской революции и к социализму Дебса было прагматическим, – суммировал его биограф Нил Джонсон. – У него не было принципиальных моральных или идеологических соображений ни против одного, ни против другого. Он верил, что идея частной собственности настолько твердо укоренена в западной цивилизации, что ее не вырвать. <...> Вирека мало волновала система управления государством. Его больше интересовала личность вождя. Динамичный лидер неизменно привлекал его. Когда в 1924 г. Ленин умер, Вирек посвятил ему панегирик в "American Monthly"»²⁰. Эта «неизвестная страница иностранной Ленинианы» (как звучит!) впервые публикует-

---

¹⁹ 17 Библиотека В. И. Ленина в Кремле. М., 1961. С. 617 (№ 7654); Любарская А. М. Горас Тробел. Слава и забвение. Л., 1980. С. 219–224.

²⁰ Johnson N. M. George Sylvester Viereck: German-American Propagandist. P. 148.

ся по-русски в настоящем издании.

Собирать и регистрировать иностранные публикации о Ленине в Советском Союзе начали сразу после смерти вождя мирового пролетариата. Это стало одной из задач Института Ленина, которому помогал Отдел печати НКВД, получавший заграничную периодику. «К подбору иностранной Лениньяны» привлекли и Бориса Пастернака, который рассказал об этом во вступлении к роману в стихах «Спекторский», связанному многими невидимыми нитями с упомянутыми выше «Неудачниками» Сергея Спасского:

Задача состояла в ловле фраз
О Ленине. Вниманье не дремало.
Вылавливая их, как водолаз,
Я по журналам понырял немало.
Мандат предоставлял большой простор.
Пуская в дело разрезальный ножик,
Я каждый день форсировал босфор
Малодоступных публике обложек.
То был двадцать четвертый год. Декабрь...

Работой занимался целый штат людей с надлежащим допуском, поскольку «буржуи» писали о Советской России и ее вождях, в том числе здравствовавших, отнюдь не в тоне «Правды» или «Красной газеты». Попадал ли в библиотеку Наркоминдела вирековский журнал «American Monthly»? Допускаю, что не попадал, ибо не только не принадлежал к

мейнстриму или классово близким, но имел одиозную репутацию продолжения наиболее известного прогерманского издания Нового Света «Fatherland»: издатель сам указывал на эту преемственность в выходных данных. Хотя мог и по-падать.

Фамилию Вирека в Москве знали – во всяком случае, в управлении делами Наркомата по военным и морским делам и в Англо-американском отделе НКВД, поскольку в сентябре 1923 г. Джордж Сильвестр пытался через них получить интервью у Льва Троцкого в виде письменных ответов на вопросы (материалы об этом публикуются в настоящем издании). В качестве «верительных грамот» он приложил пять своих статей из хёрстовской газеты «New York American». Они появились за подписью «George F. Corners» – т. е. «George Four Corners», английский «перевод» немецкого «Viereck», – поскольку не все издатели и читатели были рады видеть фамилию бывшего главного пропагандиста кайзера в США. Очевидно, в числе пяти статей были три, посвященные непосредственно советским делам: «Россия восстанавливает частную собственность. Советы подправляют современную утопию, прививая капитализм к коммунизму» (5 августа 1923 г.); «Россия требует от рабочих 100 % эффективности. Советы запрещают забастовки на транспорте» (12 августа 1923 г.); «Россия возвращается к золотому стандарту» (19 августа 1923 г.)²¹. К сожалению, разыскать их пока

---

²¹ Russia Restores Private Property: Soviets Revise Modern Utopia by Grafting

не удалось.

К середине двадцатых годов Вирек приобрел славу «интервьюера класса люкс». Первым успехом на этом поприще можно считать интервью, которое он взял 20 февраля 1906 г. у «немецкого Мольера», знаменитого драматурга Людвиг Фульды, всего через несколько часов после приезда того в Нью-Йорк. Вскоре большая статья о Фульде, основанная на этом интервью, появилась в «New York Times» – успех для молодого литератора даже с поправкой на то, что вместо полной подписи под ней стояли инициалы²². Полугодовое пребывание в Европе с сентября 1922 г. по апрель 1923 г. ознаменовало начало нового витка карьеры Джорджа Сильвестра, воплотившегося в книгу «Блики великих» (1930). Вирек-овские интервью отличаются от того, что мы понимаем под этим словом сегодня. Это не стенографическая запись беседы, в которой отсутствует личность интервьюера, но, напротив, субъективный портрет говорящего, каким его увидел спрашивающий, хотя и с большим количеством завышенной прямой речи.

В числе собеседников оказались «августейший кузен» экс-кайзер Вильгельм и его сын кронпринц Вильгельм, фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, избранный в 1925 г. президентом Германии, генерал Эрих фон Людендорф,

---

Capitalism on Communism; Russia Demands Labor 100 % Efficient; Soviet Bans Transportation Strikes; Russia Returning to Gold Standard.

²² G. S.V. Ludwig Fulda – The German Poet-Dramatist and His Work // New York Times. 1906, 25.02.

канцлер Вильгельм Маркс, президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, прозванный «Зигфридом германских финансов», Герхард Гауптман, Герман Кайзерлинг и Артур Шницлер. Коллекция не ограничивалась немцами. Здесь есть бывшие, действующие и будущие главы государств и правительств. Бенито Муссолини, Рэмзи Макдональд, Жорж Клемансо, Аристид Бриан; герои войны: маршалы Фердинанд Фош и Жозеф Жоффри; культовые фигуры эпохи: Бернард Шоу, Зигмунд Фрейд, Альберт Эйнштейн, Генри Форд. Интервью с последними перепечатываются до сих пор. В «Блики» не попало самое знаменитое – на сегодняшний день – вирековское интервью, взятое в 1923 г. в Мюнхене у провинциального националистического агитатора Адольфа Гитлера: автор просто забыл о нем. Среди часто задававшихся вопросов – отношение к большевизму и к Советской России. «За» были Бернард Шоу и Анри Барбюс. «Против» – по разным причинам – не только Гитлер и Муссолини, но и Гауптман и Шницлер.

Особое место среди «великих» занял великий князь Александр Михайлович, внук Николая I и двоюродный дядя Николая II, известный в семье под прозвищем «Сандро». Сейчас его помнят как первого командующего русской военной авиацией и как мемуариста – надежного свидетеля, остроумного и доброжелательного рассказчика. Двухтомные воспоминания великого князя, вышедшие в Париже по-русски в 1933 г., ранее появились в США в английском переводе.

де. Для переговоров об их издании автор в 1929 г. приезжал в Нью-Йорк, и Вирек не упустил возможность поговорить с ним. Желая привлечь внимание прессы и симпатии потенциальных читателей, Александр Михайлович не скупился на комплименты в адрес Соединенных Штатов, однако собеседник сделал акцент на его морально-политических убеждениях и потому назвал интервью «Душа великого князя» (публикуется в настоящем издании).

4.

Первым документированным обращением Вирека к советским вождям является попытка взять интервью в 1923 г. у Троцкого. «Демон революции» был ньюсмейкером мирового масштаба, но к активным действиям Джорджа Сильвестра, возможно, подтолкнула четвертая серия «Современных портретов» его друга, прозаика и публициста Фрэнка Гарриса, готовившаяся тогда к печати. «Всё, что он писал о великих людях своего времени, – утверждал издатель Эмануэль Халдеман-Джулиус, – верно по духу, даже если он вкладывал в их уста собственные слова. Если они не говорили дословно то, что Гаррис приписывал им, то вполне могли сказать. Читая его, вы видите живого человека, пусть даже в картине есть неточности»²³. В книгу Гарриса вошли

---

²³ Haldeman-Julius E. My Second 25 Years. Instead of a Footnote. An Autobiography. Girard, 1949. P. 82.

очерки «Отто Кан и Лев Троцкий» (нью-йоркский банкир немецко-еврейского происхождения Кан был знакомым Вирека и давал ему советы – не вполне удачно – относительно инвестиций) и «Русские делегаты в Генуе», перевод которых впервые публикуется в настоящем издании.

В «Бликах великих» несомненно влияние «Современных портретов», поскольку это тоже «портреты», основанные на личных впечатлениях автора. «Портретист» обещал включить Вирека в свою галерею, но не сдержал обещание. Зато Джордж Сильвестр поместил Гарриса в общество знаменитейших людей эпохи, хотя его репутация, и так не блестящая, была к тому времени окончательно погублена скандальной автобиографией «Моя жизнь и любви».

Завершая в 1929 г. работу над книгой интервью, которая первоначально называлась «Люди и сверхлюди» – прямая отсылка к «Человеку и сверхчеловеку» Бернарда Шоу, – Вирек понял, что в ней не хватает советских вождей. Привыкший, что ему не отказывают, он пошел проторенным путем – обратился к дипломатическому агенту НКВД в США (фактически послу) Борису Сквирскому и к Уильяму Бора, председателю Внешнеполитического комитета Сената, считавшемуся на Капитолии самым влиятельным сторонником признания СССР. 26 апреля Сквирский сообщил Ольге Каменевой, возглавлявшей Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), о желании Вирека посетить СССР с целью «собрать некоторые материалы о руководящих деяте-

лях нашего Союза для подготовляемой им книги, основанной на ряде бесед с представителями разных стран». В тот же день рекомендательное письмо для Вирека написал Уильям Бора, чьи слова «имели больший вес, чем верительные грамоты Госдепартамента. В мае 1929 г. сенатор ежедневно писал в среднем по три таких письма для желавших поехать в Советский Союз, причем только для знакомых ему людей или по их рекомендации»²⁴.

Впервые публикуемые в настоящем издании документы ВОКС из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) позволяют восстановить предысторию поездки Вирека в Москву в июле 1929 г., результатом которой стали три больших очерка для журнала «Saturday Evening Post», перевод которых составил основу этой книги. Они говорят сами за себя.

Визитер просил о встречах со Сталиным, «мадам Лениной» и «президентом» Калининным – гонорар за такие интервью мог покрыть расходы на поездку, – но потерпел полное фиаско. Сталин в то время редко принимал иностранцев-некоммунистов, о чем Джордж Сильвестр не забыл упомянуть, дав понять читателю, что лишь этим объясняется отсутствие ожидаемого интервью. Крупской не позволяли играть роль «первой вдовы»: по расхожему анекдоту, вождь пригрозил ей «назначить вдовой Ленина Фотиеву или Стасову». Гостю пришлось довольствоваться заместителем нар-

---

²⁴ McKenna M. C. Borah. Ann Arbor, 1961. P. 296.

кома по иностранным делам Львом Караханом, который для американского читателя точно не являлся ньюсмейкером. Перед разговором с Виреком этот известный щеголь облачился в рабочую блузу и вызвал переводчика, хотя хорошо говорил по-английски. Карахан рассыпался в комплиментах американцам, подчеркивая, как много общего с ними у советских людей, но отказался обсуждать Муссолини и преимущества диктатуры пролетариата перед «диктатурой среднего класса». Директор правления Госбанка Виталий Коробков, «производящий впечатление способного и напористого делового человека», призывал американцев инвестировать в советскую экономику, уверяя в ее стабильности (экономические и социальные вопросы занимают в очерках важное место). Директор Института Маркса и Энгельса Давид Рязанов распорядился показать письма Луи Фирека к Энгельсу. Гость отметил, что хозяева не жалеют денег на покупку книг и документов по истории социалистического движения; передал ли он что-то институту – неизвестно. Заведующий отделом Англо-романских стран НКВД Самуил Каган, шестью годами ранее сообщивший в секретариат Троцкого, что ничего не знает о Виреке, усомнился, что собеседник напишет правду об увиденном, ибо под «правдой» понимал то, что соответствовало советской пропаганде. Думаю, то же самое говорил заведующий Отделом печати НКВД и будущий начальник Главлита Борис Волин (в Архиве внешней политики РФ должны быть записи бесед, но найти их

мне не удалось). Похоже, Джордж Сильвестр не виделся ни с кем из деятелей литературы и искусства – во всяком случае, о них в очерках ни слова. Не по этой ли причине он не упоминается в отечественных работах о визитах иностранных литераторов в СССР?

Дальше Москвы и Ленинграда гости не уехали. Получив гору статистических материалов, Вирек отказался от осмотра образцово-показательных домов-коммун и роддомов, но хотел понять, как живут обычные люди. Впечатления оказались безрадостными: «хвосты» и полуголодное существование большинства населения даже в крупных городах, нехватка обуви и одежды, «квартирный вопрос», слежка и повальная бюрократическая неразбериха. Всеобщая военная подготовка и тотальная пропаганда, направленная на молодежь, тоже не вызвали симпатий. В очерках нет ни капли высокомерия в отношении «азиатских орд», как в пропагандистских статьях времен Первой мировой войны, хотя отмечен «поворот к востоку», символически выразившийся в переносе столицы из Петербурга, которому осталось «медленно умирать», в Москву. Нет в них и насмешек над бедной и неустроенной жизнью, как у европейских заезжих гастролеров тех лет, но есть сочувствие к людям, которых политика властей поставила в такие тяжелые условия.

«Я честно сказал большевистским лидерам, – заявил автор, как будто кто-то в Москве интересовался его мнением, – что я не социалист, но сочувственно передам любое посла-

ние, которое мне доверяют. <...> Трудно не восхищаться динамичной энергией большевизма и самоотверженностью отдельных его лидеров. Они кажутся такими честными, так стремятся объясниться – это вызывает к нашим самым добрым инстинктам. Только покинув Россию, снова обретаешь чувство перспективы и понимаешь подлинный характер трагического фарса под названием "коммунизм", поставленного горсткой людей в Кремле. Я не стану замалчивать неудачу большевизма только из-за того, что некоторые его лидеры – очаровательные люди». «Большевизм не эффективен, – подытожил Вирек. – Несмотря на величие планов и энергию вождей, он не способен даже накормить собственный народ. Он превращает Россию в тюрьму». Автор назвал большевизм «обезумевшим самодержавием», Ленина – «восточным деспотом в душе», хотя и «гением», Сталина, которому отказал в «гениальности», – «царем в большевистском наряде». «Каждый американский доллар, инвестированный в Россию, – предупредил он, – дает большевикам доллар для вооружения и пропаганды против нашей системы цивилизации».

Впечатлениями поездки и размышлениями об увиденном в СССР навеяна одна из глав романа «Непобедимый Адам» (1932) – заключительной части «трилогии о бессмертных», написанной Виреком в соавторстве с Полом Элдриджем. Главным героем первой книги, «Мои первые 2000 лет. Автобиография Вечного Жида» (1928), стал не Агасфер

предания или классической литературы, бесприютный старец, молящий о смерти как об избавлении, но вечно юный, полный сил человек по имени Картафилус, не знающий не только смерти, но и старости и немощей. Офицер стражи Понтия Пилата (Картафилус означает «привратник»), он не дал Иисусу отдохнуть по пути на Голгофу и услышал: «Ты будешь вечно скитаться, пока я не вернусь». Картафилус «законсервировался» в своем возрасте и теле, поэтому был вынужден менять место жительства, чтобы не вызывать подозрений вечной молодостью. В центр второго романа, «Саломея, Вечная Жидовка. Мои первые 2000 лет любви» (1930), сюжет которого параллелен сюжету первого, соавторы поместили внуку царя Ирода, проклятую вечной молодостью и вечным бесплодием.

Третьим героем трилогии оказался полуобезьяна-получеловек Котикокура – «вечный юноша двадцати лет, всегда страстный, всегда мятежный, всегда колеблющийся между поклонением герою и женщине, хвастун и ребенок», который «должен быть одновременно богом и обезьяной»²⁵. Бессмертный спутник Картафилуса, которого он называл «Катафа», за века общения с ним настолько цивилизовался, что мог выступать как барон-рыцарь, аристократ-джентльмен и советский ударник-физкультурник. В СССР «князь гаремов и любимец императриц» оказался «уязвлен, что женщина осмелилась отвергнуть» его, тем более что счастливым со-

---

²⁵ Viereck G. S., Eldridge P. The Invincible Adam. London, 1932. P. 411.

перником оказался... трактор. Пораженный отсутствием у комсомольцев любовного томления и даже сексуального влечения, Котикокура обращается к ним с пламенной речью, за которую его объявляют «предателем, буржуем, шпионом, кулаком, нэпманом» и препровождают в ГПУ. Однако тайный знак рукой и упоминание Картафилуса чудесным образом выручают «непобедимого Адама», как и во всех остальных случаях.

5.

Именно антибольшевистские высказывания испортили репутацию Вирека. В межвоенные годы влиятельная лево-либеральная интеллигенция США занимала открыто прокоммунистические и просоветские позиции, а служившие ее рупором нью-йоркские еженедельники «Nation» и «New Republic» воздействовали на мнение всей страны, поскольку значительную часть их аудитории составляли редакторы, журналисты, литераторы и педагоги, транслировавшие эти идеи дальше. Критиковавшие СССР издания Хёрста и Макфаддена, где главным образом сотрудничал Вирек, считались не просто реакционными, но бульварными. Между либеральной и коммунистической прессой существовало своего рода перекрестное опыление: журналы мейнстрима были открыты партийным агитаторам, благодаря чему их призывы приобретали аудиторию и респектабельность. «Коммуни-

стическая Россия, особенно после 1929 г., оставалась единственным лучом света в сумрачной картине мира, какой она виделась либералам», – суммировал историк Дж. Мартин²⁶. Коммунисты убеждали читателей в правильности коминтерновских определений «фашизма» и в тождественности «антифашизма» и «демократии», объявив всё «не-коммунистическое» «потенциально фашистским».

Антикоммунисты решили дать бой. 5 марта 1930 г. Гамилтон Фиш, потомок старинной, богатой и влиятельной семьи, считавший свое политическое положение неуязвимым, внес проект резолюции, одобренный Конгрессом:

«Спикер Палаты представителей уполномочен назначить комитет в составе пяти членов Палаты для расследования: коммунистической пропаганды в Соединенных Штатах, особенно в наших образовательных учреждениях; деятельности и состава Коммунистической партии Соединенных Штатов и всех связанных с ней организаций; ответвлений Коммунистического Интернационала в Соединенных Штатах; торговой корпорации "Амторг"; газеты "Daily Worker"; всех организаций, групп и лиц, подозреваемых в подстрекательстве, призывах или поощрении насильственного свержения правительства Соединенных Штатов или попыток ослабить нашу республиканскую форму правления путем возбуждения бунтов, диверсий или революционных беспорядков. Коми-

---

²⁶ Martin J. J. American Liberalism and World Politics, 1931–1941. N. Y., 1964. P. 563.

тет должен представить Палате отчет о результатах расследования, включая рекомендации по законодательству, если сочтет их желательными»²⁷.

Вопрос о признании СССР и об официальных сношениях с ним не входил в компетенцию «комитета Фиша», как его окрестили газетчики, однако расследование деятельности «Амторга» прямо затрагивало советское присутствие в США. Работа комитета, допросившего 250 свидетелей, заслуживает отдельного исследования, поэтому ограничимся констатацией его целей. Предоставляя слово коммунистам во главе с их лидером Уильямом Фостером, кандидатом в президенты в 1924 и 1928 гг., и давая им возможность высказаться, Фиш стремился получить «из первых рук» доказательства того, что американские коммунисты: во-первых, присягают на верность не Соединенным Штатам, но Советскому Союзу, а значит, сознательно нарушают гражданский долг и служат другому государству; во-вторых, призывают к свержению существующего строя, а значит, являются государственными преступниками.

Судя даже по тем фрагментам стенограммы, которые Фиш привел в мемуарах²⁸, коммунисты и сочувствующие, вызван-

---

²⁷ Цит. по: Fish H. Memoir of an American Patriot. Washington, 1991. P. 41.

²⁸ [Электронный ресурс]. Nathi Trust Digital Library. – Режим доступа: <http://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=umn.31951d02174674p#view=1up:seq=4>. – Дата обращения: 14 февраля 2019 г.; [Электронный ресурс]. Internet Archive. – Режим доступа: https://archive.org/stream/investigationofc19310105unit/investigationofc19310105unit_djvu.txt. – Дата обращения: 14 февраля 2019 г.;

ные для дачи показаний, держались уверенно, высказывались откровенно и даже дерзко по адресу правительства США и его институтов. Формально сказанного было достаточно для юридического преследования компартии, но на такой результат Фиш не рассчитывал. Он выстраивал логическую цепочку, которую стремился внедрить в сознание сограждан. Коммунисты – государственные преступники, причем сами сознаются в своих намерениях. Они служат другому государству – СССР, причем это государство враждебно США. Следовательно, его официальное признание прямо противоречит интересам США.

17 января 1931 г. комитет обнародовал 66-страничный отчет, в котором назвал целями коммунистической партии: «пропаганду атеизма и искоренение религии; разрушение демократии, свободного предпринимательства и частной собственности; возбуждение забастовок, бунтов, диверсий, кровопролития и гражданской войны путем революционной пропаганды; злоупотребление гражданскими свободами и проникновение в средства массовой информации с конечной целью лишить американцев гражданских свобод и свободной прессы; призывы к мировой революции, которая установит всеобщую диктатуру пролетариата». Оснований для таких суждений в словах Фостера сотоварищи было достаточно. В отчете говорилось: «Комитет убежден, что луч-

шим и самым эффективным способом борьбы с коммунизмом в Соединенных Штатах является возможно более широкая огласка основных принципов и целей коммунистов, которые одинаковы во всем мире»²⁹.

Президент Герберт Гувер следовал курсу своих предшественников Уоррена Гардинга и Калвина Кулиджа на непризнание СССР. На время его пребывания в Белом доме такая возможность исключалась, но внутри- и внешнеполитическая ситуация делала возможной смену власти на выборах 1932 г. Приход демократов не означал автоматического поворота в сторону СССР, но возможность перемен во внешнеполитическом курсе не исключалась. Деятельность и выводы «комитета Фиша», преследовавшего идеологические и пропагандистские цели, подтверждали правильность курса на непризнание, что должно было усилить политические позиции его сторонников и дискредитировать оппонентов.

Одержавший победу на президентских выборах 1932 г. демократ Франклин Рузвельт взял курс на признание СССР «в ошибочной и наивной уверенности, что это широко распахнет двери для международной торговли»³⁰. Проблема «коммунистической пропаганды» стала особенно актуальной. Разногласия по вопросу признания СССР привели Фиша к разрыву отношений с Рузвельтом: по замечанию публициста Джона Флинна, президент «воспринимал любую кри-

---

²⁹ Fish H. Memoir of an American Patriot. P. 47.

³⁰ Там же.

тику своих действий как проявление враждебности лично к нему»³¹. «Черную метку» получил и поддерживавший Фиша Вирек, особенно после того, как в июне-июле 1933 г. он поместил в журнале «Liberty» цикл статей «Красная паутина»³².

Если Фостер заявил на слушаниях в Конгрессе, что его товарищи верны красному знамени, то собеседник Вирека – уличный агитатор – выступал под американским флагом. «На войне всё годится, – пояснил он. – Нас, коммунистов, учат использовать любые средства, лишь бы это служило нашей цели». Расследование «комитета Фиша» делало упор на идейной зависимости американских коммунистов от СССР и на подрывном характере их идеологии и деятельности. Вирек пошел дальше, поставив во главу угла организационную и финансовую зависимость местных «красных» от зарубежных центров: «Если бы тот юноша использовал собственные сбережения или получал помощь от американцев, он был бы всего лишь безобидным радикалом. Когда он получает указания и деньги от иностранного государства, враждебного нашей цивилизации и нашей форме правления, он становится угрозой для страны. <...> Каждое издание, заигрывающее с коммунизмом, каждый салонный большевик, проповедующий красные доктрины, – вольное или невольное орудие

---

³¹ Flynn J. T. The Roosevelt Myth. N. Y., 1965. P. 115.

³² Viereck G. S. Web of the Red Spider // Liberty. 1933. 17.06, 24.06, 01.07, 08.07; далее цит. без сносок.

Советской России. Всем им отведена своя роль в тщательно разработанном мобилизационном плане Красной армии».

Свои утверждения Вирек подкрепил впечатлениями от поездки в Германию, считавшуюся главным «зарубежным центром» Коминтерна, в ноябре 1932 г. Собеседник из местных коммунистов заявил ему: «Мы бы сделали <свое> посольство <в США> центром бунтов и возмущений и использовали бы все средства для разжигания священной войны классов». «Никакая клятва советского правительства не помешает советскому послу превратить посольство в гнездо большевистских интриг, – отметил Вирек. – Приказы Третьего Интернационала сильнее любых приказов Комиссариата по иностранным делам». Этот аргумент против установления дипломатических отношений с СССР «комитет Фиша» не использовал, поскольку тогда речь об этом не шла. Ради получения официального признания советское правительство не скупилось на заверения о недопустимости пропагандистской деятельности для его представителей и отказывалось брать на себя ответственность за действия Коминтерна как «международной общественной организации». Другим аргументом Вирека стала история похищения генерала А. П. Кутепова в Париже агентами ГПУ: «Будучи неотъемлемой частью советской системы, Чека или ГПУ появляется в любой стране, где есть советские посольства и консульства. Когда происходит похищение или убийство, когда вскрываются заговоры, в которых замешаны коммунистические кон-

сулы и посольства, консулов отзывают, но система сохраняется».

Говоря о «красной паутине» в США, Вирек опирался на данные «комитета Фиша» о проникновении коммунистов в армию, Национальную гвардию, Американский легион. Большую опасность он видел в том, что «коммунист сразу появляется там, где есть недовольство». К пропаганде наиболее восприимчивы негры, иммигранты, безработные, разорившиеся фермеры и ветераны войны. Они же восприимчивы к паническим слухам и дезинформации – орудию в руках «красных» агитаторов. «Коммунизм в США – это заговор, а не политическая партия», – суммировал автор.

Сотрудничество Вирека с Фишем продолжалось до осени 1941 г. Советская тематика в нем более не фигурировала, хотя оба оставались убежденными антикоммунистами. Поздравляя Джорджа Сильвестра с 70-летием в декабре 1954 г., экс-конгрессмен писал: «Вы предвидели опасность русского коммунизма и знали, что, если мы будем воевать с Германией, коммунизм окажется единственным победителем» (собрание В. Э. Молодякова). Однако ни разу не упомянул в мемуарах одиозную фамилию бывшего соратника.

6.

Первый биограф Вирека Элмер Герц в середине тридцатых годов спросил своего героя, какую форму правления тот

предпочитает. «Олигархию, – ответил он полушутя, – если я один из олигархов». «К какой форме общества вы испытываете наибольшую антипатию?» «К диктатуре пролетариата, – последовал уверенный ответ. – Потому что я – это я. Я не люблю ульи и муравейники. Люди могут прожить при любой форме правления, но если выбор остается, то мой – не в пользу коммунизма». «А выбор остается?» «Возможно, нет. Коммунизм, как и другое зло, может оказаться неизбежным. Фашизм тоже может быть неизбежным злом в чрезвычайной ситуации. Но всё это не для меня»³³. Биограф отнес Вирека к «людям, которым суждено быть уничтоженными в коллективистском или тоталитарном государстве, поскольку они слишком ярко воплощают противоречия нашего века»³⁴.

Отрицательное отношение к любой форме тоталитаризма Вирек выразил в притче «Искушение Джонатана», опубликованной в конце 1937 г. и выпущенной отдельной книжкой (перевод впервые публикуется в настоящем издании). В том же духе выдержана его статья «Мы можем победить диктаторов в их игре» – иллюстрированный рассказ о культурном досуге и массовом спорте в Германии и СССР. «Все авторитарные страны прилагают отчаянные усилия, чтобы придать массам силу и радость, – заметил автор, обыгрывая название немецкой программы досуга трудящихся "Сила через радость". – Массы без возражений принимают мощные дозы

---

³³ Gertz E. The Odyssey of a Barbarian. P. 208.

³⁴ Там же. P. 3.

идеологии вместе со спортом и развлечениями». «Многое из того, что подходит Германии, не годится для нас, но полезно знать о сделанном в тоталитарных³⁵

---

³⁵ Вирек здесь использует слова «авторитарный» и «тоталитарный» как взаимозаменяемые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.